

Министерство науки и высшего образования РФ
Смоленский государственный университет
Смоленский центр количественной филологии
Смоленский центр гуманитарных исследований

СМОЛЕНСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

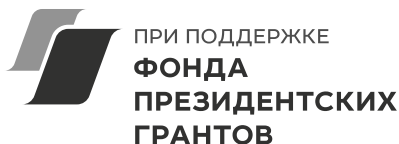
Выпуск XIII

Труды Школы молодых ученых
«Количественная филология»

Смоленск
Издательство СмолГУ
2021

УДК 80
ББК 80
С 511

*Печатается по решению редакционно-
издательского совета СмолГУ*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Г.Н. Ермоленко;
доктор филологических наук, доцент А.В. Радионова.

Смоленский филологический сборник. Выпуск XIII. Труды
Школы молодых ученых «Квантитативная филология» / ред.
С 511 Л.В. Павлова, И.В. Романова, С.Н. Андреев, В.С. Андреев,
Л.Г. Каяниди. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 218 с.

ISBN 978-5-88018-538-2, продолжающееся издание

В сборник вошли работы участников проекта "Школа молодых ученых "Квантитативная филология", осуществленного Ассоциацией "Смоленский центр гуманитарных исследований" совместно со Смоленским центром квантитативной филологии и поддержанного Фондом президентских грантов. Настоящие работы как итоговые в рамках проекта были представлены на заключительном форуме Школы (25–27 октября 2021 года в Смоленске)

УДК 80
ББК 80

ISBN 978-5-88018-538-2
продолжающееся издание

© Авторы, 2021
© Издательство СмолГУ, 2021

**ОБРАЗ ДОМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОМАНА БОРИСА ВАСИЛЬЕВА
«ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЕД»**

Ключевые слова: *образ Дома, художественное пространство, лексема, словообразовательные производные, смысловая нагрузка.*

В статье предпринята попытка обобщить и систематизировать смысловую нагрузку образа Дома в романе Б. Васильева «Дом, который построил Дед» для наиболее полного осмысления его значения в художественном мире произведения. Анализ частотности авторского обращения к лексеме дом демонстрирует обусловленность ее использования глубоким идейным смыслом, как изучаемого произведения, так и всех произведений, включенных в цикл романов об Олесиных.

Художественные произведения русской словесности богаты на мотивы и образы, за которыми следуют не просто конкретные понятия, а предельно расширенные, обрастающие множеством смыслов значения. Одним из таких важнейших образов в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов является образ Дома.

«Дом» – одно из ключевых понятий русской культуры, которое имеет широкое значение:

1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий;
2. Жилое помещение, квартира, жилье;
3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством;
4. Династия, царствующий род;
5. *чего или какой.* Культурно-просветительное, научное, бытовое и т. п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится;
6. *Устар.* Заведение, предприятие [Словарь русского языка, 1999, 495]

Как один из универсальных образов, понятие «Дом» является центральным в различных гуманитарных науках, среди которых – философия, литературоведение, лингвистика, культурология, этнография, мифология, фольклор.

В нашей работе мы будем рассматривать данное понятие в контексте художественного осмысления, в частности его значение и функционирование в художественном мире романа Бориса Васильева «Дом, который построил Дед».

«Дом, который построил Дед» – пятая книга об Олесиных в структуре цикла, написанная в 1991 году. Сам автор в предисловии к первому роману цикла «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» отмечает: *«...изнутри, что ли, возник замысел второй книги об Олесиных, за которой я оставил мелькнувшее в мечтах название...»* [Дом, который построил Дед, 1998, 2]. Основную идею своего сочинения писатель определил так: *«...отцы собственными руками построили Дом, в котором мы живем и до сей поры. Дом на развалинах прежней России, щедро политых кровью ее сынов и дочерей»* [Там же, 1998, 2].

Роман написан в традиции классической реалистической литературы XIX века. Б. Васильев использует традиционную жанровую разновидность романа – семейный роман. Описывая жизнь одного семейного рода, автор обращается к определенному периоду в истории России, а именно Гражданскую войну и приход к власти большевиков. Произведение начинается как роман о семье, но постепенно перед читателем предстают исторические события, требующие философского осмысления.

Сюжет исторического произведения разворачивается на фоне гражданской войны, в кровавые страницы которой, вписывается жизнь представителей рода Олесиных. Интеллигентная семья потомственных дворян оказывается не на периферии событий, а в самом её эпицентре, становится в одночасье свидетельницей и участницей.

Образ Дома в произведении является смысловым и пространственно-энергетическим центром, вокруг которого группируются другие мифологемы и образы. Дом – это место объединения семьи, место их родовой памяти. Дом хранит в себе лучшие моменты мирного уклада жизни. Вместе с тем, дом вмещает в себя не только память, память общественную, общеродовую, семейную, личную, но и ее забвение.

Дом в романе изображен как живой организм, это *«...не просто стены да потолок, но и семья, которая тоже являлась Домом»* [Там же, 2005, 1]. Образ Дома выступает в прямой «созависимости» со всей историей семьи Олесиных и с главным строителем того будущего дома, о котором идет речь в тексте, – это Дед (Леонид Старшов), который был *«...основателем, строителем, столпом и фундаментом как семьи, которую строил со дня свадьбы до дня смерти, так и дома»* [Там же, 2005, 1]. В романе представлено авторское философское осмысление того, что включает в себя понятие «Дом», которое *«...повсеместно заменяясь ничего не выражающим словом «жилплощадь», которую легче представить себе изолированной пещерой в многопещерном комплексе, норой или берлогой, но никак не островом в океане, гнездом, где не только появляются на свет, но и учатся летать, единственным местом на земле, где помогают стены»* [Там же, 2005, 20].

Как видим, образ Дома формируется при помощи разработки таких мотивов, как *«остров в океане», «гнездо, где не только появ-*

ляются на свет, но и учатся летать», «единственное место на земле, где помогают стены», последний из которых реализует культурное представление народа, воплощенное в пословице «Дома и стены помогают», встречающейся на страницах и других романов цикла.

Дом в романе это не только жилище. Дом воплощает в себе широкое понятие – «Родина»: «...Дом есть маленькая копия отечества, в которой умещаются рождение и младенчество, детство и юность, зрелость и старость, дряхлость и смерть» [Там же, 2005, 20]. Дом в романе живет, он одушевлен, в отличие от предметного слова жилплощадь. Дом есть нечто живое, органичное:

– «...дом строят с верой, любовью и надеждой, с терпением и страстью, с каждодневной усталостью и ежечасным восторгом»;

– «...дом строят не для себя, а для семьи, не для дня сегодняшнего, а для дня завтрашнего, не для того, чтобы было где поставить кровать, стол да телевизор, а для того, чтобы иметь свое место под хмурыми тучами бытия»;

– «дом всегда обладает своим собственным климатом и своей собственной атмосферой, своей историей и своими законами, своими традициями и своими легендами, своей прозой и поэзией, своими богами и привидениями, своей иерархией, своим нравом и своей судьбою».

И если жилплощадь можно и разменять, то дом «...может только погибнуть» [Там же, 2005, 21].

Все вышесказанное дает основание интерпретировать образ Дома в романе Б. Васильева как нечто сакральное, наделенное своей душой и памятью, а цитаты из текста подтверждают, что Дом в романе, к тому же, выступает в качестве главного героя в системе персонажей.

В романе «Дом, который построил Дед» представлено несколько семейных гнезд. Во-первых, это дом в Высоком, родовое гнездо Олексиных, где родился и жил генерал Николай Иванович Олексин и его семья – дочери Ольга, Варвара, Татьяна и сын Владимир. Дом в Высоком представляет во временном континууме произведения условно «прошлое»: «Слишком многое связывало с той землей всех Олексиных, слишком многое...» [Там же, 2005, 11]. Именно в Высоком Николай Иванович в сложный период жизни отправит свою вторую жену Руфину Эрастовну и внуков, детей Варвары и Татьяны, словно пытаясь спасти их от бурного, непредсказуемого и пугающего «будущего». Во-вторых, это дом в селе Княжое, принадлежащий дальней родственнице Олексиных Руфине Эрастовне Слухачевой. В этом доме некоторые представители Олексиных (старый генерал со своими дочерьми Варварой, Татьяной и внуками Мишкой, Анечкой, Руфиночкой) жили в годы относительно спокойные для последних представителей русского дворянства – это дом «настоящего». И, наконец, в-третьих, это дом в губернском го-

роде Смоленске, где жила старшая дочь генерала Ольга со своим супругом Василием Парамоновичем, еще не зная, что скоро о них «позаботится» брат Владимир, с «помощью» которого их выселят из родного Смоленского гнезда и переселят «...в тихий дом на тихой мещанской улочке» [Там же, 2005, 183]. *«Вот и нет родни. Нет ни у тебя, ни у меня. Нет. – Что значит? Семья ... – Семья – не родня, и ты понял, о чем я говорю. У нас нет родни, у нас с тобой, братец. Как у собак: это им все равно, в какой конуре жить. И мне все равно. Все равно, все равно»* [Там же, 2005, 181] – скажет Ольга своему брату, указывая на то, что разорвалась та кровная ниточка, связывающая Владимира и его родных в одно целое – в семью.

В смоленский дом Владимир переселит другим человеком, человеком своего времени, человеком, выбравшим не долг и честь, а человеком, решившим пойти по пути наименьшего сопротивления. Он будет жить там со своей новой семьей, потому что старая станет ему неуютной по политическим соображениям. Этот дом мы условно можем называть «домом «будущего», того чуждого будущего, которое навсегда перевернет привычный ход жизни Олексиных. Город и дом станут чужими для них: *«Родной город вдруг стал чужим, он [генерал Николай Иванович Олексин] не только видел, что он чужой, – он чувствовал чужие настороженные взгляды»* [Там же, 2005, 103], *«...удивляло появление в этом дворянском гнезде города большого числа лиц, которые прежде попадались здесь изредка: солдат в шинелях нараспашку со сбитыми на затылок папахами; вооруженных рабочих, крикливых жещиц, хохочущих неприлично громко. И абсолютно не было тех, к кому он привык: чиновников, офицеров, гимназистов»* [Там же, 2005, 103]. Варвара также отмечала, произошедшие перемены: *«Старый мир – мир ее детства, юности, любви – разваливался на куски, и эти куски отталкивались друг от друга, неотвратно расходясь по неведомой ей траектории»* [Там же, 2005, 103]. И если все представители Олексиных в романе неразрывно себя связывают с отчим домом, с родовым именем, то для Владимира, который предал свой род, своих отцов, свою семью, сменив фамилию на Алексеев, и сделав стремительную карьеру чекиста, это пустое слово, он искренне доволен, что обеспечен жилплощадью: *«Можешь занять папин кабинет, если хочешь. В твоей комнате, Сереженька. – Я обеспечен жилплощадью. Благодарю»* [Там же, 2005, 180].

Автор лишает его такого права, ведь человек, отрекшийся от своей семьи, от памяти – не достоин иметь дом, в том глубоком смысле, который закладывает в него повествователь. В романе Владимир олицетворяет библейский образ блудного сына. Данный герой пребывает в ситуации бездомья, в состоянии заблудшей, блуждающей души. Это бездомье из социального перетекает в духовное.

Ольга с семьей примет тот факт, что брат лишит ее отчего дома, и переселится в маленький домик: *«Домик – три комнаты с кухней, стоял недалеко за Молоховскими воротами. К нему примыкал крохотный садик с двумя яблонями и мещанский палисадничек перед фасадом. Вот это – твой дом, – сказал Владимир. – Законный»* [Там же, 2005, 181].

Для Вари предательство брата не станет большим ударом, время и пережитые потрясения изменят ее, как внешне, так и внутренне: *«Она не испытала никаких чувств: что значила потеря дома, где она выросла, где оставались любимые книги, ноты, старые куклы, отцовский прокурорский кабинет, по сравнению со всеми иными потерями? Память? Память оборвалась там, на краю обрыва, глухой ночью среди покорно, даже торопливо раздевавшихся мужчин. Так отсекали от нее ее прошлое, оставив только настоящее, только мгновение до команды. И Варя жила настоящим: дети, госпиталь, муж»* [Там же, 2005, 181–183].

Так, «новая» Россия внесет свои поправки в мирную жизнь Олесиных, она не даст им больше быть одним целым, не соберет их всех под единой крышей родного дома: генерала Олексина Николая Ивановича расстреляют, Татьяна удастся уцелеть и ей с двумя детьми предпишут постоянно проживать в Ельне, Владимир Алексеев сделает стремительную карьеру, а в начале 34-го будет переведен в Ленинград, где и исчезнет: *«Будто и не жил никогда, зачерствав и раскрошившись отрезанным ломтем»* [Там же, 2005, 192], Руфина Эрастовна переедет к Варваре и будет работать билетершей в кинотеатре. Она *«...закончит свою жизнь в эвакуации, в далеком городке Камень-на-Оби, так и не узнав, что старший ее внук лейтенант Михаил Старшов погиб под Москвой за полгода до ее смерти»* [Васильев, Там же, 192]. Средняя дочь Варвары и Леонида станет супругой «бравого чекиста», это замужество отделит ее от семьи, а семью от нее. После войны, в 1946 году, Дед – Леонид Старшов, получит заслуженный перед Отечеством участок и начнет строительство. Однако, мечта Леонида Старшова *«...сохранить семью, уцелеть самому и достроить свой Дом»* [Там же, 2005, 191], как нам кажется, исполнится лишь частично.

Обратившись к тексту романа Б. Васильева «Дом, который построил Дед», рассмотрим случаи употребления лексемы *дом* и ее словообразовательных производных.

В тексте исследуемого произведения лексема *дом*, ее словоформы: Дом – дома – домам – в доме – о доме (185) и словообразовательные производные (дериваты): Дом – домик (13) – домишко (1) – домина (хоромы) (1) – домашний (7) (по-домашнему (1)) – домохозяин (1) – домоправительница (3) – домовладения (1), встречаются 213 раз в следующих основных значениях:

№	Значение	Частота использования (количество раз)	Пример
1.	Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий	86	– «...он начал строить собственный <i>Дом</i> в прямом смысле слова» [Дом, который построил Дед, 2005, 5]; – «В <i>старом доме</i>, на Кадетской...» [Там же, 11]; – «<i>Дом</i> – собственно, сам дом как строение – был достаточно стар, чтобы заслужить искреннее уважение изб села Княжого» [Там же, 22]; – «...в Петрограде возле <i>дома № 94</i> по набережной Мойки» [Там же, 37]; – «...у <i>каменного дома</i>, стоял автомобиль под охраной матросов» [Там же, 98]; – «Но они ехали долго и медленно, подпрыгивая на крупном булыжнике мостовых и пугая ревом мотора мирных обывателей, спавших, а более того изображавших спящих за <i>темными окнами домов</i>» [Там же, 163–164]; – «<i>Уютный домик</i> на три комнаты с верандой, выходящей в сад, где росли старые груши, вишни и яблони» [Там же, 182].
2.	Жилое помещение, квартира, жилье	84	– «...<i>дом</i> строят сами от фундамента до крыши, строят с верой, любовью и надеждой, с терпением и страстью, с каждодневной усталостью и ежечасным восторгом. Такой <i>дом</i> строят не для себя, а для семьи, не для дня сегодняшнего, а для дня завтрашнего, не для того, чтобы было где поставить кровать, стол да телевизор, а для того, чтобы иметь свое место под хмурыми тучами бытия» [Там же, 20–21]; – «В <i>родном доме</i> вдруг не оказалось ни родственников, ни знакомых...» [Там же, 33]; – «Кучновы влезли в <i>олексинский дом</i>, потеснили Варвару Старшову, выжили генерала, но дело с превращением мирной купеческой обители в некое пристанище городского бомонда завертелось» [Там же, 38]; – «<i>Дом Кучновых</i> лежал ниже...» [Там же, 98];

№	Значение	Частота использования (количество раз)	Пример
3.	Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством	22	– «Я пишу с заглавных букв потому, что <i>Дом</i>, о котором намереваюсь рассказывать, – не просто стены, пол да потолок, <i>но и семья</i>, которая тоже являлась Домом» [Там же, 1]; – «Старшов сдержанно радовался первому кирпичу, заложенному им <i>в основание собственного дома</i>» [Там же, 1]; – «И Владимир, с грехом пополам заучив дюжину бородатых анекдотов, кучу затертых шуточек, набор комплиментов и три особо модных стихотворения, с упоением вращался, не досаждая отцу просьбой о деньгах, но и <i>ни копейки не отдавая в дом</i> из своего чиновничьего заработка» [Там же, 16]; – «...<i>жильцы дома</i> обитали отныне как бы в разных временных поясах» [Там же, 38]; – «Именем детей заклиная тебя, любимый мой: хватит с тебя орденов, славы, власти, доблести и геройства. Хватит. <i>Пора подумать о доме своем</i>» [Там же, 61]; – «Уж очень суровым, чужим и неприветливым казался ему Петроград, «Питер», как теперь говорили даже во вполне <i>благородных домах</i> (он не выносил этого слова)» [Там же, 78].

№	Значение	Частота использования (количество раз)	Пример
4.	Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования (о Родине)	6	– «... <i>Дом есть маленькая копия отечества</i>, в которой умещаются рождение и младенчество, детство и юность, зрелость и старость, дряхлость и смерть» [Там же, 20–21]; – «<i>Фронт</i> – пока еще тихо, полулегально, но уже угрюмо и решительно – <i>двинулся по домам</i>, переполнив все виды поездов и вагонов» [Там же, 62]; – «Люди делятся на три категории, не по племени и не по вере, а только по внутренней цели. Четверть из них <i>мечтает о новом доме и строит его</i>. Другая четверть жаждет сохранить старый и его защищает. А большая половина ничего не хочет и ни о чем не мечтает, но при первой же возможности <i>готова спалить старое жилище и влезть в новое</i>, выбросив строителей в вечную мерзлоту» [Там же, 192].
5.	<i>чего</i> или <i>какой</i> . Культурно-просветительное, научное, бытовое и т.п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится	3	– «И поэтому никто и не узнал, что Роман Трифонович закончил дни свои в <i>сумасшедшем доме</i>, признанный недееспособным...» [Там же, 65]; – «А в Петрограде были переполнены все театры. Даже огромный <i>Народный дом имени государя императора Николая Второго</i> (название ему еще не сменили) на Петроградской стороне» [Там же, 90].

Как видим, образ Дома потенциально наполнен различными значениями – это обозначения зданий, строений, предназначенных для жилья; жилых помещений и жилья, семьи, людей, живущих вместе, одним хозяйством. В некоторой степени присутствуют такие значения дома, как родная сторона, место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования, т. е. в значении родины, а также различные государственные учреждения. Совсем отсутствуют значения, отождествляющие образ дома с царствующим родом, что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для писателя было важным показать именно жизнь главных героев – представителей семьи Олесиных, а историческая основа выступает лишь фоном сюжета. Писатель в цикле романов воссоздает конкретные исторические эпохи, но при этом, он, в силу специфики природы творческого переосмысления действительности в литературе, творит свой художественный мир, в котором историческая достоверность несколько опускается. Отсутствуют названия устаревших заведений и предприятий, что делает авторский стиль понятным и доступным для читателя.

Чтобы подтвердить или опровергнуть наш тезис о том, что образ Дома является центральным образом романа «Дом, который построил Дед», необходимо рассмотреть частотность его использования и в других произведениях цикла, проанализировать «сопровожающие» этот образ смыслы.

Используя метод сплошной выборки, мы определили, что в других романах цикла образ Дома также характеризуется многообразием значений. Рассмотрим некоторые примеры репрезентации образа в других романах цикла об Олесиных.

В произведении «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт» образ Дома предстает перед читателем в трех основных значениях.

Это соотносимость с местом расположения:

- Столица – «*Да, в Санкт-Петербурге: на зиму дворянство в столичные дома переселялось из всех своих Оленок да Антоновок*» [Картежник и бретер, игрок и дуэлянт, 1998, 83];
- Псков – «*Поминали мы родителей своих у Саввы Игнатьича в семейном кругу в его новом псковском доме*» [Там же, 168];

Его принадлежность владельцу:

- Барину – «*И в старом барском доме, еще прадедом моим построенном, сразу стало тихо, а бабушке с матушкой – скучно*» [Там же, 5];
- Генералу – «*Не горячись, Беслан. Если ты так беспокоишься за судьбу сына, может быть, стоит оставить его в генеральском доме?*» [Там же, 162];

- Графу – *«В графском доме полный ремонт произвели, я им лесу отпустил»* [Там же, 171].

В этом произведении мы встречаем лексему *дом* в составе устойчивого сочетания *«казенный дом»*, которое расширяет свое значение за счет дополнительных компонентов. Благодаря контексту мы понимаем, о каком казенном доме идет речь в произведении: *«Казенный дом с железными решетками видит, но не в нем ты сгинеешь»* [Там же, 36].

В романе *«Были и небыли»* образ дома реализуется через следующие значения:

- Название богослужебного сооружения (церкви): *«Я [отец Никандр] задыхался, я хрипел, весь покрывшись потом, но шел и шел, направляясь к церкви и надеясь, что там, в доме молитвы, может быть, найду кого-либо из тех, кто еще нуждается в помощи»* [Были и небыли, 1981, 3];
- Здание, строение, предназначенное для жилья: *«Варе Олексиной некому было приказывать идти спать: в их городском доме она оставалась единственной хозяйкой»* [Там же, 1981, 9];
- Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством (в основе значения метонимические переносы): *«Дом уже полностью проснулся: хлопали двери, шуришали юбки, скрипели половицы»* [Там же, 1981, 10]; *«И весь дом бежал, хлопал дверями, о чем-то спрашивал и радушно сутелся»* [Там же, 1981, 45];
- Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования (дом = родина (Россия)): *«При любом результате я [Гавриил] вернусь домой, если останусь цел. – Домой – в порабощенную Польшу? – Домой – значит в Россию»* [Там же, 1981, 55]; *«Ваше высокоблагородие, русский я, русский! – торопливо говорил он. – В Сербии ранен был, в плен там попал, бежал оттуда и вот вас дожидаясь. Ну и дождался, – сказал Струков. – Можешь домой идти, в Россию»* [Там же, 1981, 240].

В романе *«Утоли моя печали»* мы наблюдаем характеристику дома по его владельцу, месту и социальному положению – *«...продали в Москвотцовский дом»* [Утоли моя печали, 2019, 2], *«...в большой гостиной их двухэтажного барского дома в Высоком»* [Там же, 2019, 2], *«...попросил их заехать за ним в старый олексинский дом»* [Там же, 2019, 13], *«...в доме не придерживались строгого поста, как и в большинстве дворянских домов того времени»* [Там же, 2019, 23]; по финан-

совой стабильности и благополучию: *«Дом – чаша полная, а все – уважительные. Даже сам Роман Трифонович очень уважительный мужчина, а ведь при каком капитале-то огромном!»* [Там же, 2019, 13], а также по привычной, знакомой обстановке, в которой легче справляться с трудностями: *«Вот это правильно, – оживился Роман Трифонович. – Дома и стены помогают»* [Там же, 2019, 131].

В романе «И был вечер, и было утро» помимо ранее указанных значений, находим примеры употребления, в которых образ дома характеризуется благосостоянием своего владельца и его социальным положением: *«Дома пузаты, высоки, длинные, широки и вообще неестественны, ибо выявляют не вкус владельца, а его кредит; маленькие и не очень маленькие – деревянные дома и домишки служат фоном купеческим замкам Пристенья, а также убежищем второсортности, вдовства, начинающих, служащих, доживающих и ворья, которого тут, что воробьев»* [И был вечер, и было утро, 2011, 13]; принадлежностью владельцу, сочетающей в себе и социальную окраску (*самохлёбовский дом* [Там же, 2011, 14], *в доме купеческом* [Там же, 2011, 20], *мещанского домика* [Там же, 2011, 28]).

Образ дома в романе несет еще и такие новые смыслы, как помещение, где за низкую плату беднота могла получить ночлег: *«...в Крепости и одним («Париж») в Пристенье, а кроме того, гостиницами и ночлежными домами, которые и являлись основой его дивидендов»* [Там же, 2011, 27]; лечебница для душевнобольных: *«А прочитав, кинулся за советом к отцу Хризостому, но лукавый слугитель господи ушел от ответа, дав понять, что лежать в сумасшедшем доме все же лучше, чем стоять перед военно-полевым судом»* [Там же, 2011, 89]; династия, правящий род: *«...на торжественном молебствии в связи с трехсотлетием дома Романовых, и из достоверных источников знаю, что они предусмотрены в церемонии, что является большой честью для нашего города»* [Там же, 2011, 85].

В контексте романа «Ровесница века» образ дома обретает новые значения, отражающие, лучшие традиции русского деревенского зодчества – рубленый дом, и все те чувства, которые связывают с ним Анисью Демову, одну из главных героинь произведения, ее беззаботную юность:

- *«И Ньюше было с ним интересно, и тянуло ее к нему, и мечтала она о нем, и точно знала, что не минуют Митькины сваты их большого даже для богатого Демова, на веки вечные рубленого дома»* [Ровесница века, 2006, 21];
- *«Вышла затемно и все четырнадцать верст пролетела единым духом, будто молодая. Будто не было за плечами каторги, невиданных тягот и неслыханных потерь,*

будто стояло ее Демово во всей силе и красе, будто стоял в том Демове просторный дом, рубленный на века, будто по-прежнему жила в нем большая, дружная, работающая семья и будто все еще была в этой семье матушкина баловница Нюша...» [Там же, 2006, 68].

А вот как описан дом спустя многие годы опустения: *«Не было мельницы, не было плотины, не было широкого плеса за этой плотиной, где на зорях упруго били горбатые озерные окуни. Не было людского жилья, не было скотины, не было живых звуков, а было гнилое болото, заросшее саженой крапивой место, где стоял дом, да жалкий ручеек, который можно было перейти, ног не замочив»* [Там же, 2006, 22].

В иных случаях мы видим устаревшее обозначение богдельни, больницы-приюта для нищих и калек, которое употреблялось в XIX столетии (*«Дорога туда идет мимо нашего барака, это бывший странноприимный дом»*) [Там же, 2006, 82]).

С ярко выраженной положительной коннотацией автор вводит в текст производные от лексемы *дом* существительное *«домовитость»* и наречие *«домовито»* при характеристике работы рубящего орудия – топора: *«...топор тюкал, ровно дятел. Спокойно, домовито, подеревенски неспешно. И, завороженная этим стуком, этим покойным трудом, домовитостью и такой зримой, такой полновесной, так по-крестьянски осмысленной свободой своей, Анисья впервые ощутила, как сладко забилось вдруг ее иссохшееся сердце»* [Там же, 2006, 29].

Примечательно, что образ дома раскрывается в текстах романов через пословицы и фразеологизмы, что свидетельствует об его универсальности и связи с культурными истоками. Образ Дома в романах об Олесиных Б. Васильева напрямую зависит с ощущением и значимостью Родины. Проанализированные примеры показывают, что писатель часто использует в произведениях местоимения и прилагательные, указывающие на принадлежность и важность дома, его связь с памятью и корнями, как для главных героев, так и для самого автора: *«выстрадал свой дом», «в основании собственного дома», «вернуться в свой дом», «в родном доме», «подумать о доме своем», «отцовский дом», «отчий дом»* и др.

Как отмечал Ю.М. Лотман, анализируя роман М.А. Булгакова *«Мастер и Маргарита»*, разработка образа дома в отдельном произведении является частью «общей перспективы» [Лотман, 1997, 753] творчества писателя. Так и у Б. Васильева, роман *«Дом, который построил Дед»*, в целом, – это только значимый элемент выстраивания концепции Дома во всём творчестве писателя.

Проанализировав особенности реализации и спектр значений, который обретает образ дома в художественном пространстве

романа «Дом, который построил Дед», а также его распространенность и смысловую нагрузку в других романах цикла, мы пришли к выводу, что только вместе романы цикла формируют единый образ Дома, являющийся сквозным. Образ Дома выступает в качестве одной из объединяющих циклических скреп (термин В.А. Сапогова), которая позволяет говорить о единстве данных произведений.

Литература

- Васильев Б.Л. Были и небыли. М.: Советский писатель, 1981. 704 с.
Васильев Б.Л. Дом, который построил Дед. М.: Вагриус, 2005. 431 с.
Васильев Б.Л. И был вечер, и было утро. Москва: АСТ, 2011. 260 с.
Васильев Б.Л. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт: Записки прапрадеда. М.: Вагриус, 1998. 333 с.
Васильев Б.Л. Ровесница века. Москва: Вагриус, 2006. 239 с.
Васильев Б.Л. Утоли моя печали. Москва: АСТ, 2019. 416 с.
Дом // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. С. 425. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma142511.htm> (дата обращения: 17.09.2021).
Лотман Ю.М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю.М. О русской литературе. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. С. 748–754.

Dobrel'ya V.A.

THE IMAGE OF A HOUSE IN THE ARTISTIC SPACE OF BORIS VASILIEV'S NOVEL «THE HOUSE THAT GRANDFATHER BUILT»

Key words: image of the House, artistic space, lexeme, word-formation derivatives, semantic meaning.

The article attempts to summarize and systematize the semantic meaning of the image of the House in B. Vasiliev's novel «The House That Grandfather Built» for the most complete understanding of its meaning in the artistic world of the work. An analysis of the frequency of the author's reference to the lexeme "house" demonstrates the conditionality of its use by a deep ideological meaning, both of the work under study and of all the works included in the cycle.